

Без вести

Автор:

Яна Егорова

Без вести

Яна Егорова

Современный детектив

После исчезновения старшего брата, Ева взялась управлять его детищем – добровольческой организацией по поиску пропавших людей «БезВести». Молодая женщина недавно развелась, воспитывает собственную дочь и племянника с инвалидностью. Все свое время она посвящает поиску людей и не ограничивается лишь тем, о чем просят ее представители правоохранительных органов, полностью погружаясь в расследование каждого загадочного случая. Неожиданно ее деятельностью заинтересовался автор популярных детективов, наглый, самовлюбленный эгоист, Гарри Горовиц. Ему нужны новые сюжеты, а ей ответы на вопросы. Загвоздка лишь в том, что у Евы аллергия на богатых мужчин и Горовицу придется очень постараться, чтобы попасть в команду «БезВести».

Содержит нецензурную брань.

Яна Егорова

Без вести

Глава 1

Немного не повезло с погодой. Временами под тяжелыми ботинками хлюпала вода и разъезжалась размокшая на дороге грязь. Больше четырех километров пути через болотистый лес за спиной и вот она, та машина, за которой он следовал. Дешевенький красный «Ниссан». Двери не заперты, хозяйка очевидно где-то в доме.

Он задрал голову к небу – стая ворон с криками и драками пролетела прямо над ним. Серые собаки. Весна. Необыкновенно теплая в этом году выдалась весна. Уже несколько недель плюсовая температура, снег даже успел растаять не только в городе, но и в области. Третье марта, к любимому женскому дню – это тепло настоящий подарок. Снова на улицах города замелькают короткие юбки и неприкрытые ножки в сапожках, аромат духов и счастливые улыбки вскружат мужские головы.

От романтических размышлений его оторвал звон разбившейся банки. Где-то в глубине дома, перед которым он остановился, хозяйка выронила из рук что-то стеклянное. Он почему-то был уверен, что это точно была банка и обязательно с заготовками на зиму. Женщина начала возмущаться. В этом дачном поселке сейчас совсем никого нет. Еще не начался дачный сезон, эта залетная птичка – досадная случайность. Сегодня она найдет свой конец. Встретится с богом. Такова судьба. Перед тем как зайти, он окинул взглядом домик жертвы. Типовой проект. Ремонт не делался со времен постройки. Деревянное строение с облупившейся светло-зеленой краской по всему фасаду и старыми деревянными окнами, словно больными старушечьими глазами глядящее на мир. Да, отличное сравнение. У старушки были точно такие глаза, когда она прощалась с жизнью и делала последний вздох у него в руках. Как все похоже в этом мире. Как все одинаково появляется, стареет, а потом умирает.

Достав из кармана фуфайки моток зеленой веревки, он двинулся в сторону незапертой калитки. Лучше, конечно, это было бы сделать в машине, тогда не пришлось бы тащить тело. Женщина хоть и молодая, но имеет свой вес. И довольно приличный, особенно, когда уже не дышит.

Он зацепил ботинком детскую игрушку, валявшуюся прямо на тропинке, ведущей от калитки к дому. Дети. На миг опустил взгляд себе под ноги. Раздавил маленькую красную машинку. С легкостью смял ботинком пластиковую крышу игрушки.

– Кто там? – из глубины дома до него донесся испуганный голос хозяйки.

Отбросив сомнения и забыв о находке, он решительно двинулся внутрь. По пути его руки на автомате накручивали веревку на кулак.

* * *

Через холл пятизвездочной гостиницы Азур, расположившейся в самом сердце Санкт-Петербурга, быстрым шагом передвигались четверо мужчин. Они торопились в сторону лифтов, удачно спрятавшихся за двухметровыми белыми колоннами величественного здания. Впереди всей компании шел самый невысокий и щуплый, при этом элегантнее всех одетый молодой мужчина тридцати лет. Он постоянно поглядывал на золотые часы у себя на запястье и то и дело стряхивал несуществующие пылинки со своего бархатного костюма темно-бирюзового цвета. Модная, взъерошенная стрижка дополняла образ стильного и успешного представителя светской тусовки, при этом весь его вид свидетельствовал о крайней неуверенности этого мужчины: пальцы его вибрировали, губы постоянно дергались от улыбки, приоткрывавшей ровный ряд белых зубов, до нервного оскала. За ним по пятам следовали еще трое. Самый высокий из них, лысый мужчина в недорогом, не по размеру костюме был похож на частного охранника. О его профессии свидетельствовал отсутствующий взгляд и белый наушник в ухе. Заключали процессию двое в форме полицейских, типичные представители правового мира, с недовольными лицами прибывшие сюда по «особой» просьбе высокостоящего начальства.

– Кого задерживать-то будем? – не слишком-то уверенно спросил старший полицейский того, что был в бархатном костюме, как только процессия остановилась прямо у лифтов. «Стильный» нажал пальчиком на матовую металлическую кнопку вызова лифта и в миллионный раз стряхнул пыль со своего плеча. – Нас так много, он что, агент какой-то?

– Он? Ну...

Кабина услужливо распахнула свои двери и «Бархатный» шагнул первым внутрь. Агент... Он его уже месяц вылавливает по всему свету! Чертов урод! Агентом скорее уже стал сам Одинцов, а не его долбанутый подопечный. Сначала был Бангкок. Девять часов в небе. Такси. Гостиница, в которой к его приезду Горовица и след простыл. Сразу оттуда Марракеш. Опять шлюхи, на этот раз сенегальские, гостиницы, и пустой номер. Горовиц его снова опередил. Следом

за этим – Нью-Йорк, Голливуд, Владивосток. В Екатеринбурге они разминулись в аэропорту. А в Париже Горовиц удрал от него на долбанном самокате!!!

– Агент? – зайдя в кабину и развернувшись лицом к дверям, задумчиво пробормотал Одинцов.

Десять лямов! Десять лямов задатка взял его подопечный автор и ушел в запой по всему миру! У него, видите ли, вдохновение пропало! Музу он ищет! В объятых проституток всего мира! Трахается, курит, пьет и убегает от своего редактора! А книгу, между прочим, уже через месяц, ровно четвертого апреля, надо релизнуть! Реклама запущена, бешенные бюджеты вложены, а этот мудака никак не напишет и строчки! Это катастрофа!!! Самое обидное, что Одинцов никогда и представить не мог, что работа обычного редактора может уподобиться работе личного надзирателя. Охотника за головами, если хотите. Пришлось выслеживать ублюдка через социальные сети. Есть у Горовица хорошая привычка фоткаться в новых местах и чекиниться заодно. Только так и получалось его выследить, правда, тот каждый раз ухитрялся улизнуть прямо из-под носа редактора. Словно издевался над ним!

– Майор, у вас оружие с собой есть?

– Настолько опасен? Он вам что, денег много должен?

– Должен. Еще как должен, – сказал вполголоса Одинцов, поправляя манжет белой рубашки и передернув плечами так, как будто собирался драться. – А еще он хитрая, изворотливая сволочь, которую мы с вами должны во что бы то ни стало поймать. Сегодня, вы слышите меня?

Двери лифта распахнулись на восьмом этаже, и вся компания молча направилась к номеру двести тринадцать. Шаги мужчин заглушал толстый бордовый ковер с золотым восточным рисунком по краям. Остановившись возле нужной двери, Одинцов протянул руку к майору, потребовав этим жестом отдать ему ключ, который полицейский изъял у администратора.

– Вообще-то, это противозаконно.

– Вся ответственность на мне! – огрызнулся до предела взвинченный редактор, выхватил у стража порядка ключ и сначала стукнул в дверь кулаком, крикнул:

- Горовиц! Открывай! Тебе больше некуда бежать!

Не дожидаясь ответа, Одинцов вставил ключ в замок, повернул его несколько раз, и вся компания вломилась в люкс. Посреди просторного помещения стояла большая кровать. На белых подушках лежало мужское тело. Лежало оно лицом вниз и единственным из одежды, что его прикрывало от незваных гостей, были белые трусы.

- Попался, говнюк! - процедил сквозь зубы Одинцов и немедля пройдя к окну, распахнул шторы.

- Вставай, скотина, на этот раз тебе не сбежать! Здесь тебе не Париж! В Питере я тебя из любой канавы достану!!!

Одинцов приподнял ногу и толкнул ею в бок бездыханное, на первый взгляд, тело.

- Труп? - уточнил майор, который, не понимая до конца ситуации, остался стоять вместе с остальными возле входной двери.

- Пьяный, - отмахнулся, скривив губы редактор. - Горовиц, свинья! - выкрикнул он телу прямо в ухо.

Тело наконец пошевелилось. Что-то промычало в матрас, в который было уткнуто носом, затем, до этого свисавшую с постели руку подняло вверх и продемонстрировало большой палец:

- Во-о-от та-а-акой мужик! - проблеяло он и упало в храп.

- Что?! - взвизгнул Одинцов.

Он резко склонился над пьяным, схватил того за русые волосы на затылке и поднял его так, чтобы разглядеть лицо. - Это не он! Сука!!! - его гневный рев сокрушил стены гостиницы Азур.

В это же время, где-то в коридоре взвизгнула женщина. С той же стороны раздалось ее возмущение:

– Мужчина! Вы куда?! Нельзя по гостинице голым бегать!!!

– Майор! Он уходит!!! – закричал редактор, указав сопровождающим на дверь. Вся толпа ринулась на выход.

– К лифтам!

– Нет! К лестнице! – бросился в противоположную сторону редактор, увидев в том конце женщину в костюме уборщицы. – Майор! Сообщите вашим, чтобы перекрыли все выходы из гостиницы!!! Мы поймаем ублюдка!

Спотыкаясь о ковер ботинками из редкой крокодильей кожи, редактор мчался подобно профессиональному охотнику, почуявшему дичь. Ни хрена! На этот раз он его поймает! Не уйти тебе, не уйти!!!

Топот четырех пар ног пронесся по коридору и ворвался на служебную лестницу.

– Какого черта?! – возмущался майор на ходу. – Эта лестница должна была быть закрыта!

– Он отобрал ключ у уборщицы! – крикнул ему Одинцов, перепрыгивая сразу через три ступеньки. – Я же сказал вам, майор, это изворотливая сволочь! Готовьте пистолеты! На этот раз, я поймаю говнюка!!!

Редактор ускорился еще больше, потому что услышал, как в нескольких пролетах под ними кто-то уносит ноги. По пути беглеца что-то падало и грохотало, из чего редактор сделал молниеносный вывод, что его подопечный сегодня не настолько проворный. Скорее всего, он пьян, а это значит...

– Мы его поймаем! На входе его встретят мои молодцы!!! – догнал его крик полицейского.

Они проскочили еще пять или шесть пролетов, пока все вчетвером не оказались на первом этаже, где буквально чуть было не врезались в точно такую же голую

фигуру, которую они только что имели счастье видеть в номере на восьмом этаже. С той лишь разницей, что на этой фигуре одежды не было совсем. Светлокожий мужчина, в обычное время во вполне хорошей физической форме, которая как нельзя лучше подчёркивала его высокий рост, пошатываясь на не слушающихся ногах остановился, потому что дорогу ему преградили другие полицейские. Судя по всему, те самые «молодцы», которых успел предупредить майор.

– Все, Горовиц, набегался, сука! – пытаюсь отдышаться, редактор, не привыкший к подобным гонкам и вообще к каким-либо физическим упражнениям, схватился за пластиковые перила. – Это за тобой!

Голый мужчина медленно развернулся к преследователям. Спереди его внешность была гораздо в более плачевном состоянии. Неопрятная борода и усы скрывали его лицо, некогда утонченный нос распух, как после приличной драки, очки болтались на переносице. Как будто завершая целостность картины, человек держал в руках одежду и блестящие кожаные ботинки, прикрывая своей ношей собственный пах.

– Так и знал, что в Питер не стоит возвращаться, – нетрезво проворчал арестованный. – Одинцов, твою мать, что тебе в редакции не сидится?

– Сейчас ты у меня узнаешь! Что мне не сидится! – выпалил «Бархатный». – Майор, в кандалы его! И поехали уже, нас ждут. Ну, Горовиц, ну, сука! Заставил ты меня побегать!

– Скажи, весело было? – подмигнул пьяный преследуемый.

Редактор только одарил его гневным взглядом и с наслаждением наблюдал, как полицейские надели тому на запястья наручники, а после, как и был, голышом, вывели из здания.

В кабинете, рассчитанном на три полноценных рабочих места, находилось пять человек. Следователь, Терехов Денис Нестерович, редактор из Москвы, Одинцов Радик Романович, подполковник, Румянцев Алексей Алексеич, телохранитель и, собственно, сбоку возле стола следователя, пятой точкой на стуле и головой на самом столе, нетрезвый Горовиц. Мужчину уже успешно одели в то, что он успел схватить, унося ноги из отеля Азур – коричневые ботинки, мятые и порванные в двух местах, некогда бывшие дорогими, брюки и облитый несколькими спиртными напитками черный джемпер с v-образным вырезом на шее.

– Одинцов, фашист, кофе хотя бы дай, – простонал писатель, не в силах оторвать голову от стола.

– Меньше пить надо, Горовиц. Сам виноват. Вот тебе бумага, – редактор пододвинул белый лист к подопечному. – Вот тебе ручка. Записывай, что тебе Денис Нестерович рассказывает!

– Может быть, ему все-таки кофе сделать? – нерешительно и полушёпотом, при этом прикрыв ладонью рот, спросил следователь Одинцова. – Звезда все же, что люди скажут? Неужели мы звери какие...

– В самом деле, Радик Романович, – крикнул подполковник, в отличие от всех остальных, предпочитавший стоять, а не сидеть. На что следователь со своего рабочего места, а редактор с места для посетителей за тем же столом, подняли головы на первого. – В наших кругах Гарри уважают, уж простите, – пояснил свою позицию грузный Алексей Алексеевич. – Его книги всем городом читаем и с радостью приняли бы его совершенно иным способом, а не так, голым и в наручниках. Что у вас за методы такие бесчеловечные?

– Вот! Одинцов, – усмехнулся в неопрятные, слишком длинные усы пьяный писатель и таки водрузил голову на руку, которую упер локтем в стол. Мутные серые глаза смотрели на редактора с издевкой. Как же! Он – звезда! Звезда, не в такой уж маленькой степени благодаря тому издательству, от которого он так проворно убегает по всему миру. – Ну, – вытянул губы Горовиц, подражая маленькому ребенку, – не ворчи, налей кофейку, па-поч-ка.

– Записывать будешь? – не поверил подопечному Одинцов.

– Буду! – икнув, кивнула бородатая знаменитость. – Только он все равно ничего интересного не рассказывает.

– Что значит, ничего интересного не рассказывает?! Ты, Горовиц, сволочь, совсем зазнался? Они, чтобы это дело расследовать, всем отделом с ног сбились! Наша редакция все связи задействовала, чтобы тебе по большому секрету рассказали детали, чтобы ты, урод, книгу нам сдал наконец! Что тебе еще надо, изверг?! Опять мало?! Сиди и слушай!!! Через неделю мне книгу принесешь!

– Я послушаю, – опять икнув, и опять кивнув, упрямо пробубнил писатель, – но интереснее от этого не станет. Скука. Замочили бизнесмена и что? Что здесь такого?

– Как это, ничего интересного? – обиженно встрял подполковник. – Это ж такое дело!

– Подождите, Алексей Алексеевич, – остановил подполковника редактор. – Это он не протрезвел еще. Сейчас кофейку попьет и... – на этом слове тон Одинцова изменился, последнее он процедил сквозь зубы, глядя в упор на автора, – и все запишет. А потом отдаст нам, и мы выпустим прекрасный бестселлер.

Горовиц упрямо покачал головой и еще раз икнул:

– Н... не выпустим!

– Твою же мать! – уважаемый Радик Романович вскочил со своего кресла и засунув руки в карманы, навис над автором. – Горовиц, гад!!!

Вполне может быть, редактор и смог бы впервые именно физически выплеснуть всю свою злобу и раздражение на том, кто без конца портил его жизнь. Может быть и смог бы, но не в этот раз. Собрание было нарушено внезапным вторжением двух незнакомцев. Без стука, если не считать удар двери о стенку, в кабинет к следователю вошли двое. Присутствующие, за исключением Одинцова, которого уже ничто на свете не интересовало, кроме рукописи одного конкретного писателя, повернули головы в сторону непрошенных гостей. Первой нарушила воцарившуюся тишину молодая брюнетка, чьей фигуре, плотно обтянутой синими джинсами снизу и кожаной курткой без подкладки сверху, могла бы позавидовать любая современная модель. Уперев руки в боки и встав

прямо посреди кабинета, Валькирия (как мысленно окрестил ее не проспавшийся автор) заявила:

- Так вы дела ведете?! Терехов?! Я же просила вас хотя бы одну машину послать в поселок Киселево! Подежурить возле станции! Месяца не прошло, а вы уже просите нас в том же лесу поискать еще одну пропавшую! Мы ее тоже? На веревке повешенной найдем?!

- Да! - рядом с незнакомкой встал ее сопровождающий.

«Очкарик» - автоматически дал ему кличку автор. Невысокий, пухленький. Программист. Точно. Ну или как-то связан с компьютерным миром, вон, как бока вываливаются за линию ремня на низких и очень растянутых джинсах. Ботинки грязные, куртка на три размера больше. Еще и комплексов целый вагон. А Валькирия ему нравится, вон, как косится на нее.

- Данилова, вам там не сказали, что я занят?! - рявкнул на гостью следователь.

Слепой, что ли? Автор искренне недоумевал, даже не поленился повернуть голову, чтобы посмотреть на Терехова. Повернул и поморщился, движение было равносильно получению удара по темечку. Похмелье. Пить, надо меньше.

- Сказали! - выпалила Валькирия. - Все, кому не лень сказали!

- Слушайте, женщина может еще живой найдется, а бабушку... С чего вы делаете такие выводы? Может быть, ее алкаш местный по пьяни грохнул, чтобы пенсию или заначку себе прикарманить. Бабушка одинокая была. В любом случае, дальше мы без вас разберемся.

При упоминании об «алкаше», Валькирия бросила презрительный взгляд на заросшего бородой, усами и побегами Горовица. Бывалый писатель стыдливо потупил глаза в стол следователя.

- Какой алкаш, Терехов? Вы совсем головой не думаете?! Поселок пустой. А у Остапенко мозгов бы не хватило, бабушку в лес утащить, да еще и повесить на дереве! - топнула ножкой в тяжелом армейском сапоге молодая женщина.

– Не, – неожиданно для всех, подал голос автор бестселлеров, – алкаш не мог. Алкаш стукнул бы утюгом, пырнул ножом, на худой конец... Не, это из другой оперы. В общем, стукнул бы ее сзади, деньги взял и запил беспробудно. Зачем ему с повешением заморачиваться? Маньяком пахнет. Или мстят. Но я бы сделал ставку на маньяка. Так интереснее.

Одинцов незаметно положил ладонь на руку следователя, который хотел было выставить наглую девицу за дверь.

– Именно! – поддакнул Горовицу «Очкарик». – А вы, знаете, наверное, о чем говорите? – обрадованно улыбнулся программист писателю.

– Чего? – не понял тот.

– Ну, вы... Вы же тоже, наверное, любите... – очкарик щелкнул пальцем по шее, продемонстрировав присутствующим известный жест, – это дело. А?

Парень улыбался искренне и в другой ситуации, если бы здесь не было Валькирии, Горовиц поддержал бы его шутку. Однако в этот раз, ему это очень не понравилось. Зато понравилось его редактору, который в это же мгновение просиял, как утреннее солнышко на голубом небосводе.

– Данилова, заканчивайте! Не видите, у меня тут люди важные?! – все-таки взъелся следователь и поднялся со своего места. – Завтра ваши должны быть в Киселево к десяти. А до тех пор, не беспокойте меня!

– Завтра мы приедем, конечно, – рассерженная Валькирия смотрела на противника исподлобья, – но вы мне обещаете, Терехов, если мы и ее найдем на веревке – вы поставите в поселке патруль! И не в десять приедем, а в восемь вечера, когда все смогут. Мы добровольцы, в конце концов, а не на службе. Как вы. Нам за это денег не платят.

– Ничего я вам обещать не буду! Ваше дело – помогать, если попросят, а не лезть с глупыми советами!!!

– Вы обещали, Терехов! – Валькирия ответила стражу порядка и гордо покинула кабинет.

Вместе с ней, следуя за красоткой как верный пес, выскочил и полный очкарик в вечно сползающих с растолстевшей филейной части джинсах.

- Это кто? - с благоговением в глазах, уставившись на повторно хлопнувшую дверь, спросил Горовиц.

- А, - отмахнулся следователь, не заметив и не разделив восторга автора, - не обращайтесь внимания. Местная Лара Крофт.

- Местная, кто? - уточнил Одинцов, не спуская глаз со своего вдруг загоревшегося музой подопечного.

- Крофт. Лара. Ну, это. Девка такая, - следователь показал ладонями округлые выпуклости в районе своей груди, но тут же получив полный укоризны взгляд начальства, убрал руки за спину. - Ничего.

- Терехов, доложите по форме. Видите, звезда интересуется! - потребовал подполковник.

- Слушаюсь! - вытянувшись по струнке смиренно и зачем-то отдав честь, выпалил следователь. - Данилова Ева, возглавляет добровольческую организацию «БезВести». Это добровольцы, которые помогают нам, под строгим нашим контролем, искать пропавших без вести людей. Мы их привлекаем время от времени. Это основная их задача, только эта баба...

- Кто? - нахмурился подполковник, показав кулак подчиненному.

- Кхм, Данилова. Никогда не останавливается на обычных поисках. Вечно лезет сама расследовать. Все отделы на нее жалуются. Хотя... Если честно признаться, - почесал затылок Терехов, - несколько дел только этой зимой мы благодаря их организации и раскрыли.

- Валькирия, - вылетело восхищенное из-под усов пьяного автора. - Одинцов... - писатель икнул и продолжил, - ты понял? Я п... - Горовиц, пошатываясь, поднялся на ноги, - п-пошел.

– А как же кофе? – спросил ему в спину подполковник, но был остановлен жестом, посланным ему влиятельным редактором. «Бархатный» приложил указательный палец к губам, велел тому молчать. Насколько Одинцов уже успел узнать писателя – теперь тот никуда не денется. Пока муза плескается и щебечет тонким сладким голоском у него в голове – Горовиц будет писать круглые сутки.

– Сережа, – приказал Радик Романович телохранителю, – тенью стань его. И так, чтобы точно не заметил. Докладываешь каждый час. Мне. Лично.

Глава 3

Из кабинета следователя Терехова вывалилась наружу мужская фигура. Разило от фигуры на пяток метров в радиусе. В радиусе от всего здания, наверное. Так ему самому казалось. И вот той поморщившейся даме в полицейской униформе, вон она, как по стеночке прошла. Фигура пошатывалась, можно даже смело сказать, в некоей степени, заплеталась в собственных ногах.

«Перебрал!» – пошатнув коридор питерского полицейского участка нечеловеческой икотой, подумала фигура.

А ведь финт почти удался! На миг прислонившись плечом и головой к прохладной каменной стене, фигура начала вспоминать, как прошел вечер накануне. Он вернулся в Питер. В очередной раз удалось обдурить Одинцова. Фигура пьяно ухмыльнулась своим мыслям. Это уже стало своего рода развлечением, дразнить редактора, а потом исчезать у того под самым носом. Нет, он дал себя поймать. Знал ведь, вчера, когда приехал в Азур с двумя фигуристыми деваками подмышками, когда встретил на ресепшене мужика, недовольного своим номером и позже, в лифте, тет-а-тет предложил мужику обменяться номерами. Да еще и деваку одну с барского плеча пожаловал. Ту, с маленькой грудью. В обмен на одолжение. Парень не поверил своему счастью, а Горовиц подсластил себе вечер в женской компании приятными думами о том, как утром его редактор ворвется в номер к мужику. Все здорово, только писатель не учел одной вещи, что Одинцов явится не один. Портье звякнул и доложил, что полицейские изъяли у него ключик от номера двести тринадцать. Если изъяли от одного номера, соответственно, очень быстро

выяснят, какой номер взял тот, с кем он обменялся. И... Горовиц побежал. Не забыв облобызать вкусную деваху, оставшуюся наслаждаться сладкими снами на его кровати, схватил вещи и как был помчался наутек.

Ах, да. Наутек. Валькирия...

Фигура оторвала себя от стены, принадлежавшей аппарату правоохранительной системы и более ли менее восстановив равновесие, двинулась в сторону выхода. По пути рука фигуры, не менее чем со второй попытки, все-таки вытащила из кармана порванных брюк пухлую пачку тысячных купюр. Непослушными пальцами фигура сняла с пачки золотой зажим для денег и... подкинула бумажки в воздух.

– Ой! – притворно возмущившись на весь коридор, крикнула фигура. – Тут кто-то деньги потерял!!!

Не дожидаясь начала хаоса, фигура возобновила свой путь, пока за ее спиной продолжали медленно по воздуху оседать купюры, а вместе с ними и работники всего управления. Началась суматоха, стражи порядка возмущались, кричали, спешили куда-то туда, откуда только что ушла фигура. Где-то там далеко, прогремел гневный вопль редактора:

– Горовиц, с-сука!!! Деньги издательства разбазариваешь!!! Не трогать!!! Эй, вы, я кому сказал!!!

Оставив этот неподражаемый бардак позади себя, в котором погрязла большая часть служащих управления, по почти пустому лестничному пролету фигура, наконец, достигла своей цели. У самого выхода одиноко стоял и ждал свою предводительницу пухлый очкарик. Фигура настигла его и остановилась лишь опустив тяжелую руку на неподготовленные плечи программиста. После чего, дыхнув на того зверским перегаром, изрекла:

– Поздравляю! Вы добились своего! Агент Горовиц направлен к вам в команду в качестве силового подкрепления.

Фигура понимала, что спяну несет полнейшую чушь, но помнила при этом золотое правило, нести чушь надо уверенно, тогда чушь превращается в железобетонную правду.

– Это вы, что ли, агент? – из ниоткуда появилась Валькирия.

Молодая женщина уставилась на него своими сладкими, как шоколад, карими глазами. Взгляд ее не выражал дружелюбия. Не выражал он ничего, кроме недоверия и в большей степени презрения.

– Именно! – подняв указательный палец вверх, с гордостью ответила ей фигура.

– А почему тогда вы выглядите, как бомж и разит от вас... – скривился очкарик, попытавшись снять неподъемную руку писателя со своих плеч.

У программиста ничего не вышло, и он с сожалением был вынужден остаться, будучи придавленным тяжестью творческой натуры.

– Вам это знать ни к чему, но так уж и быть, расскажу, – фигура приложила палец к губам, призывая, как ему показалось, остальных к тишине, – я только что с задания. Был внедрен, – перешла фигура на заговорщицкий шепот, который смело можно было услышать на улице, – в одну очень опасную банду. Лучший агент, между прочим! – фигура горделиво выпрямила спину, очевидно желая произвести впечатление на Валькирию. И судя по лицу последней, ей это не удалось.

– Что-то слабо верится, – на свой страх и риск высказался очкарик, покосившись на своего мучителя.

– А вам и не надо верить. Вы высказали свои подозрения, а мое начальство попросило меня посодействовать вам. Здесь действительно пахнет маньяком. А в таких случаях мы не можем бросать гражданских на произвол судьбы. Так что... С одним из вас я должен встретиться сегодня вечером и обсудить все детали. И это будет... – палец фигуры покрутился перед носом Валькирии и внезапно изменил свое направление, в виртуозном полете достигнув носа очкарика, – ты. Очкарик.

– Откуда вы знаете мой ник? – обиделся программист.

– Мы знаем все!

Мысленно фигура с удовлетворением отметила проскочившую на лице Валькирии целую палитру эмоций. Молодая женщина была очень привлекательна и явно привыкла к тому, что все мужчины хотят разговаривать только с ней. Однако Горовиц не был настолько прост. Мозг писателя подпитывали пары алкоголя и, качая его на своих невесомых качелях, подкидывали одну гениальную идею за другой.

– Значит, так. Очкарик. Сегодня в десять вечера ты ждешь меня в кафе «Полуночник» на Гороховой. Там ты расскажешь мне все детали. А завтра, Ва... – чуть было не проболтался писатель о своих сокровенных мыслях, но успел поправиться, – с вами, девушка, мы встречаемся завтра в восемь и начинаем поиски. Вы оба поступаете в мое подчинение. Все ясно, я надеюсь?

– Ясно, – обреченно согласился очкарик.

– А ты на машине? – фигура не останавливалась в своей наглости, решив сходу добить Валькирию к тому же и своей беспринципностью, закружив несчастную в страстном танго непоколебимого безразличия и напора. – Отвезешь меня сейчас на штаб-квартиру!

– Но я должен отвезти Еву Викторовну! – воспротивился программист, и во второй раз не справившись с рукой писателя на своих плечах.

– Ева Викторовна в состоянии куда ей там надо добраться сама. А ты теперь в моем распоряжении и должен подчиняться мне. Поехали!

– Но как же...

– Поехали, солдат, поехали. Родина-матушка зовет! Отставить романтические интересы! А вы, Данилова, соберите побольше людей для завтрашней вылазки. И не опаздывайте!

Фигура так и увела очкарика, удерживая озиравшегося на свою начальницу бедолагу у себя подмышкой. Выйдя на улицу, фигура сверкала самодовольной ухмылкой, оставив за спиной утопленную в кошмарном недоумении Валькирию. Ухмылка не сползла с заросшего бородой мужского лица даже тогда, когда фигура шагнула эксклюзивным ботинком прямо в мартовскую грязь. Шумно вдохнув ноздрями холодный питерский химический состав из азота, кислорода,

аргона, углекислого газа, неона, криптона, метана, гелия, водорода и ксенона, в простонародье именуемый воздухом, фигура поинтересовалась:

- Далеко ли наш служебный автомобиль?

- Он не ваш, а мой личный. Вон, - показал пальцем, напоминающим сардельку, парень на «Киа» хрен знает какого года.

Хоть фигуре и не понравился ни год выпуска, ни лысая резина, ни цвет детского несчастья, покрывавший сие средство передвижения, фигура без единого возражения забралась во «внедорожник» и на всякий случай даже пристегнула себя драгоценную к потертому сиденью.

- Трогай! - скомандовал Горовиц своему пышнотелому водителю, который кряхтя и с большим недовольством взобрался на место за рулем.

- Я бы вас попросил не командовать. Вы, между прочим, девушку обидели, - проворчал программист, вставив ключ в зажигание.

- Запомни, стажер. Если будешь бегать за женщиной как преданный пес - никогда не попадешь в ее постель. Самки признают только самцов. А ты разве похож на самца?

- Я? - удивился очкарик.

- Сколько ты за ней уже увиваешься? - фигура подоткнула тяжелую с похмелья голову рукой и ехидно взирая, уставилась на собеседника.

- Я не увиваюсь...

- Так сколько?

- Ну, - сознался бедолага, - года два, два с половиной.

- Вот! Два года, чтобы девчонку уложить в постель! Это провал, братан. Посмотри на нее, - оба, не сговариваясь, повернули головы в сторону выхода из полицейского участка, где на ступеньках только что появилась обескураженная

Валькирия. Она смотрела на них, а они на нее. – Посмотри, сколько внимания с ее стороны! Ее вселенная сломалась. Она не понимает. Она встретила загадку, а также получила легкий удар сексуальным хлыстом. Ей стало интересно. Поехали, стажер. Тебе еще учиться и учиться.

Очкарик поспешно тронулся, видимо решив поверить незнакомцу, и в самом деле заставившему его вечно неприступную начальницу разинуть рот и забыть на мгновение о своем увлечении розыском и расследованиями. А фигура... чуть заметно помахала на прощание Валькирии, послав красотке в высоких армейских сапогах безразличный взгляд.

– Он еще и гей, – выдохнула молодая женщина облако теплого воздуха из своих легких. И недовольно покачала головой вслед удаляющейся машине своего подопечного. – Ну, спасибо вам, товарищи полицейские. За помощничка!

Глава 4

В восемь часов и десять минут следующего дня, вечером, они прибыли в Киселево. Выгрузились немного поодаль от станции электрички. Вадим Соловьев, чья кличка до сегодняшнего дня была Очкарик, нынче не был за рулем. После суток на Гороховой, у программиста это никак бы не получилось. Он всю дорогу удивлялся, как это может получаться у агента Гарри. Мужик словно не провел эти сутки там же, где и он.

На Гороховой. В городе, который он таким не знал никогда.

Вадим Вадимович жил по стандарту. Обычный тридцатилетний мужчина, интересующийся исключительно своим компьютером и всем тем, что есть и нового появляется внутри дьявольской игрушки (как любит говорить его мама). Молодой мужчина обожает поесть и не только то, что готовит для него заботливая родительница, с которой он все еще к этому возрасту не разъехался. Они вдвоем скромно живут в трешке на Рыбацком проспекте. Четырнадцатый этаж – теоретически, это была бы замечательная квартира, с видом. Но семье Соловьевых по традиции не повезло, их окна выходят на противоположную от Невы сторону и вид из них открывается весьма удручающий. Добавить к этому, что лифт в доме без конца выходит из строя и можно было бы удивиться, почему

Очкарик так до сих пор не похудел. Однако ответ на этот вопрос был очень простым – Вадим Вадимович долгое время по этой и не только причине старался как можно реже выходить из дома. Пока... Пока в сети не набрел на фото Евы и на информацию об ее организации. Было это более двух с половиной лет назад. В ту пору еще ее брат заведовал всеми делами, а Ева ему помогала. Это была любовь с первого взгляда, и он так долго проделывал дорожку к ее сердцу. Выкладывал ее из камня, любовно соблюдая все нормативы и вписываясь во все повороты.

До вчерашнего дня. Пока не оказался на Гороховой.

Вадима Вадимовича внезапно резко затошнило. Вывалившись из своей машины, очкарик, держась за рот, отбежал в кусты. Хорошо, что уже темно. Они остановились, немного не доезжая до остальной группы, там впереди, где в свете фар ребята из «БезВести» уже разбирают лагерь. Привычная процедура. На всех вылазках и до начала поисков организуется штаб-палатка, в которой сидит оператор и отслеживает передвижения группы.

– Держи воду, – крикнул сзади Горовиц и в затылок программиста, согнувшегося пополам за ближайшим от них деревом, прилетела полупустая бутылка с водой. К слову, сушняк мучал всех троих. Почему троих? Да, это... суть истории.

Накануне. Накануне из полицейского участка агент велел напрямик ехать на Гороховую. Сказал, что он не намерен такое важное дело откладывать на потом и они прямо сейчас должны обсудить все детали. После того, как Очкарик переступил порог кафе (если его можно еще так называть), он уже не помнил, где оставил свою машину. Подталкивая его в спину, Горовиц велел Соловьеву пройти через скромный зал кафе на первом этаже, что-то шепнул бармену и тот проводил их за свою стойку, где за углом скрывалась неприметная, выкрашенная в черный цвет дверь. А за ней открылись ступеньки. В подвал.

– Нам обязательно туда спускаться? – в нерешительности, Вадим Вадимович остановился на самой верхней ступеньке, за что сразу же получил тычок кулаком в плечо.

– Обязательно. Там... можно курить, – пояснил агент уверенно и не позволил представителю «БезВести» отступить назад. Поправив очки на утином носу, молодой мужчина вынужденно спустился в самое пекло. Да, именно. Это так и

стоит назвать «пекло». Что было после, Соловьев помнил еще более смутно. Дым и не от сигарет. Мягкие подушки с восточными рисунками и он на них. Он помнил себя по пояс голым, куда-то исчезла его одежда, а ширинка на джинсах оказалась расстегнутой. Еще он помнил голую женскую грудь, елозившую по его губам, и то, как девушка велела высунуть язык, после чего бесстыже опустилась на его лицо, оцекотав его чувствительные ноздри волосками со своей промежности. А перед этим... перед этим был уговор.

– Давай так, очкарик, – упав на подушки неподалеку от него, агент прикурил косяк с чем-то, что явно не пахло, как табак и заговорщицки прищурился. – Я помогу тебе завоевать Валькирию, а ты женишься на ней и сделаешь так, чтобы я участвовал во всех ваших мероприятиях.

– Какую Валькирию? – удивился Вадим, принимая косячок из рук агента.

Побоялся отказать. Затянулся по глупости сильнее, чем надо было и закашлялся. Агент похлопал его по заплывшей трудовыми мозолями спине.

– Ту, которая вашей организацией руководит.

– Еву? То есть, я хотел сказать, Еву Викторовну?

– Ну.

Он сперва отказался. Но после очередной затяжки, уплыв и соединившись затылком с золотой подушкой, выслушал непринужденный совет третьего. Того. С кем они только что приехали в Киселево. Этот тощий, длинноногий, несуразный парень, встретил их в подвале. Если он не был владельцем этого места, то был как минимум его завсегдаем.

– Ты неправильно куришь, – тоже упав на подушки между ним и агентом, парень, больше похожий на растрепанного подростка, натянул вязанную разноцветную шапочку себе на глаза. – Этим местом на-а-адо наслаждаться, – затянувшись своим косяком, протянул тот. – Твоя жизнь – это бесконечность... запомни, друг. Не ты рожден для нее, а она для тебя. Все в ней создано для тебя. Травка... Этот зеленый дым, – парень провел растопыренными тонкими пальцами перед своим лицом. – Алкоголь. Секс и деньги... Этим миром не надо управлять. Будь дикарем. Плыви по течению, братан, и наслаждайся. Здесь все-е-е для тебя-я-я.

И опять в ушах возник уверенный голос агента:

– Соглашайся, очкарик. Зинаида научит тебя премудростям, ты завоеешь Валькирию и сделаешь так, чтобы я был в БезВести на постоянной основе.

– Зачем вам это? Вы же полицейский... – вопрос Вадима Соловьева растворился в тумане и словно выманил оттуда расплывчатый ответ:

– Не думай об этом. Зачем? Расслабься. Зина научит... Ты познакомишься с настоящим оружием, которым можно победить любую женщину. Для этого тебе не надо заниматься спортом. Во всяком случае не тем, о котором ты подумал.

Голос агента постепенно трансформировался в мягкий, эротичный шепот Зинаиды.

– Открой ротик, зайчик. Я введу тебя во вселенную оральных удовольствий, от которых ни одна избалованная киска не устоит. Открой рот, милый... Высунь язык. Представь, что это больше не твой язык. Это твой друг, это сам ты... Это тот, кто проникнет в любую женщину, возьмет ее и оттрахает так, что львица завоюет под тобой. Прикрой глазки...

Перед тем, как Зинаида опустила на его лицо, и он утонул в ее извержениях, Очкарик помнил смутный силуэт удаляющейся спины агента. Оставив их с Зиной наедине, Горовиц вышел из помещения, обнимая за талии двух других красоток.

– Во-оздух... – пропел Толик, вслед за остальными появившись из машины Соловьева. Парень, в болтавшихся на его костях джинсах и высоких сапогах, ступил на сырую после оттаявшего снега лесную землю. Шумно втянул ноздрями воздух и заулыбался. Его улыбка все еще не стала более четкой, но уже была чуть более реальной. Возможно, это из-за отсутствия дыма вокруг них.

Рядом с Толиком стоял агент. Он по-прежнему был в той же одежде, в которой накануне появился в полицейском участке.

– Вас не пустят на поиски в таком виде, – умыв водой из бутылки рот и кое-как утерев рукавом губы, которым предыдущей ночью пришлось испытать то, что не дано испытать более сорока процентам мужчин на всей планете за всю жизнь,

прохрипел Соловьев.

До этой ночи... Очкарик мог бы по пальцам сосчитать разы, получившиеся у него с девушкой. Больше всего получилось «встретиться» с Наташей, пухленькой, невысокой блондиночкой с первого этажа. И это было до того, как она вышла замуж. В те редкие моменты, когда его мамы не случалось дома. В остальное время – компьютер, дверь на ключ и любимый сайт, начинавшийся с буквы «Х».

– Почему? – не понял Горовиц.

Ха, вот уж точно агент. После такой ночи и все еще в разорванной в клочья одежде, мужик выглядел как сошедший с обложки журнала миллиардер. Зине его учить нет необходимости, здесь скорее наоборот. Он научит Зину такому, о чем жрица любви даже и не слышала.

– Ева... – отчество Соловьев в последний момент проглотил.

Да. Смутные воспоминания об уроках Зинаиды, о том, как сексуальную красотку мотало от наслаждения прямо на нем, как он уверенно сжимал ее ягодицы и о том, как его язык в действительности... перехватили его дыхание. Молодой мужчина сглотнул и, с невероятным усилием воли взяв себя в руки, продолжил:

– Ева тщательно следит за тем, чтобы все, кто участвует в поиске, были одеты правильно. Это правила безопасности. Это болотистый лес, который мы все будем прочесывать, выстроившись в единую линию и по-другому никак. Так что – фонарик на голове, спецодежда, чтобы никто не замерз в ходе поисков, которые могут продлиться и до утра – это обязательно. Без этого вас просто не пустят с нами. У меня, – Соловьев гордо открыл багажник своей «Киа» и вытащил оттуда походную сумку, – все всегда с собой. А вам, боюсь, придется остаться.

Очкарик был доволен собой. Похоже, уроки не прошли даром. Теперь он другой. Он может. Так думал, натягивая утепленные штаны и сапоги. Пока не свалился на свой зад, вздрогнув из-за неожиданного появления двухметровой мужской фигуры из темноты. Незнакомый мужик, из которого, если распилить его на три равные части, смело бы получились три аккуратных Вадима Вадимовича, в этой лесной темноте появился в черном деловом пальто, надетом поверх черного делового костюма. Подойдя к ним, незнакомец бросил черную же сумку прямо под ноги агенту и прогрохотал над ним:

– Радик Романович велел передать. Так и знал, что ты, как всегда, застрянешь на Гороховой.

Горовиц как будто даже не удивился. Поднял с земли сумку и раскрыл ее. Через мгновение наружу он выудил полный боевой комплект – штаны, куртку и высокие походные ботинки, стоимостью около шестидесяти тысяч рублей. Соловьев давно мечтал о таких, а вблизи увидел только сегодня. Агент начал переодеваться.

– Фонарик там тоже есть, – бросил незнакомый дядя, которому Горовиц не так уж и сильно уступал в комплекции и, развернувшись к ним спиной, ушел в темноту.

– Эт, че? – усмехнулся Толик, чуть пошатываясь на тонких ногах. – Фея прилетала?

– Фея, фея, – кивнул агент, в секунду скинув с себя всю порванную одежду, в том числе дорогие ботинки. – Стилист мой... персональный.

Горовиц немного запнулся, потому что почти из кромешной темноты их всех вдруг выхватил яркий луч света. Они не увидели, кто стоял за ним, зато услышали раздраженный голос Евы Викторовны:

– А мне говорят, кто-то там к нам еще пожаловал, но побоялся подъехать ближе. Думали, журналисты, а это вы.

Соловьева сильно зацепило то, что центр луча пришелся как раз на голого Горовица, застывшего перед всеми в одних обтягивающих его подтянутое тело белых трусах. При этом мужик нисколько не смутился, только переступил с ноги на ногу, благо стоял на холодной земле босиком.

– Ева, – удивив своей дерзостью даже самого себя, прикрикнул Очкарик на предводительницу, – убери свет. Это полицейский, не видишь? Мы немного опоздали. Сейчас переоденемся и подойдем к палатке.

Вадим Вадимович оседлал свою раздраженность в тот момент, когда луч Евы Викторовны соскользнул с агента и ударил по нему самому. Похоже, он впервые

заставил ее себя заметить. Поэтому и не удержал счастливую улыбку на лице, прошептав беззвучно так, чтобы товарищи по оружию не заметили его слабости: «Привет».

- А это кто? - после почти минутной паузы, поинтересовалась Валькирия.

Луч света выхватил из темноты Толика. Парень зажмурился, в его-то состоянии - свет в глаза был настоящей пыткой.

- Загаси фары, доктор, - прикрыв глаза грязной ладонью, вяло потребовал тот. - Я свой, не видишь, что ли?

- Это Анатолий. Он доброволец, - пояснил Соловьев.

- Сомнительный доброволец, - недовольно констатировала Ева. Викторовна. - На ногах еле стоит. Ладно, переодевайтесь и дуйте к палатке. Через пять минут построение.

Щелкнув фонариком, а на прощание еще раз скользнув светом по атлетической фигуре агента, Данилова выключила свет и направилась обратно ко всем собравшимся, коих только издалека очкарик успел насчитать человек двадцать. Почти все собрались.

- Строгая. Леди, - пробурчал Толик.

- Лови, - Вадим Вадимович крикнул ему, бросив в сторону добровольца фонарик, который нужно было надевать на голову. - Слышали, что сказала, идти надо.

- Слышали, слышали, - проворчал Толик. - Ты бы это, друг, поспешал, а то она здесь всю поляну слюной забрызгала, любуясь нашим с тобой товарищем. Или Зина тебя плохому не успела научить?

Возле штаб-палатки меня первой встретила Ирина Артуровна, одна из старожилов детища моего брата, организации «БезВести». Довольно стройная блондинка среднего роста и без особых примет. Сколько ее знаю, всегда следит за своим старомодным каре и укладывает косую челку, скрывающую половину лба и немного попадающую на правый глаз. Этим вечером, как и всегда на всех поисках, она одета в специальный туристический костюм, теплую куртку и высокие армейские сапоги. Мы здесь почти все в таких, потому что чаще всего поиски проходят в лесах, на болотистой или заброшенной местности. На шпильках здесь не походишь. Игнатьева – наш доверенный человек. Лет пять назад они с супругом обратились в нашу организацию, у Ирины Артуровны в лесу пропала мать. Ушла за грибами. Женщину удалось спасти и это при том, что провела она в лесу почти трое суток. Сказались детство и юность проведенные в деревне. С тех пор, как мы, а не полиция, своими усилиями нашли ее маму, Игнатьева с супругом влились в организацию и чаще других участвуют в поисках. Благо, семейное дело по шиномонтажке позволяет. Ирина Артуровна домохозяйка, в этом году отпраздновала пятьдесят два года, ее супруг чуть моложе. Они вырастили детей, на шиномонтажке у них трудятся несколько человек, поэтому пара может себе позволить быть самыми активными добровольцами «БезВести». Хорошие, добрые люди. Раньше, когда организация была совсем сама по себе, Ирина Артуровна привозила пирожки и кофе для всех за свой счет. Теперь, когда нам удалось более или менее наладить дела, мы стали известными и находятся люди, а также организации, которые жертвуют средства на поиски, мы можем обеспечивать провиант для добровольцев за счет организации. Но Ирина Артуровна по традиции осталась заведовать этой частью, чем невероятно меня выручает. Я пробовала уговорить ее выдавать за потраченное время хотя бы какую-то минимальную денежку, но она отказалась. Вот и сегодня, Игнатьевы приехали одновременно со мной, Эдуард Адрианович помог разместить палатку, складные столы и аппаратуру для оператора, а Ирина Артуровна расставила провиант. Теперь все были готовы и ждали лишь моей отмашки, чтобы начать поиски, и я хотела, пока не увидела невдалеке от импровизированного лагеря подозрительное шевеление.

– Выяснила?

– А?

Возвращаясь к палатке, поймала себя на том, что за время недолгого пути успела несколько раз оглянуться.

– Выяснила, говорю? – переспросила меня женщина, беспощадно светя в глаза закрепленным поверх черной кепки на голове фонариком. Светила точно также, как я с минуту назад на группу новоприбывших.

Полицейский. Агент? Что-то не похож он нисколечко на агента. Как только Вадим увез этого «полицейского» из участка, немедленно вернулась и попыталась все про него узнать. И мне совсем не понравилось то, как Терехов еле сдерживал ехидную ухмылочку на своей выбритой физиономии.

– Ева, чего молчишь? Или наших ребят свистнуть, если это чужаки какие пожаловали?

Ирина Артуровна вспомнила про свой фонарик, лишь когда я прикрыла ладонью глаза. Точно также, как этот сделал полуголый «агент».

– Кхм, – пришлось откашляться, язык отчего-то прилип к нижним зубам. – Нет, не надо никого вызывать. Это Соловьев привез полицейского с напарником, их нам «выделили» в помощь. Не знаю, правда, чем именно они нам могут помочь, тем более в состоянии похмелья.

– Как всегда! Наша полиция нас бережет! Как всегда! Пока не найдем гору трупов, они в опасность не поверят и будут нам присылать абы кого! А надо было бы уже весь лес обложить сотрудниками. Что если это и вправду маньяк?!

– По всей видимости, пока мы не предоставим им неопровержимые доказательства, все будет, как всегда.

– Евочка, ты бы сама-то не лезла в это. Что стреляешь глазками? Я же вижу, как ты уже загорелась очередной загадкой. Ты бы поаккуратнее. Мало нам...

– Ирина Артуровна, – остановила ее. – Не начинайте. Не надо про Лёню. Я все помню и все знаю.

– Смотри, Евушка, оставишь детишек сиротками. Олеженька без папки растет, да и Ленка твоя отца почти не знает. Хочешь детей круглыми сиротами оставить? Или чтобы Ленка твоя к отцу переехала, и он над ней издевался также, как над тобой?

– Ирина Артуровна, пожалуйста.

– Нет, Ева. Не увиливай. Мы давно с Эдиком хотели с тобой поговорить. Пора бы тебе свою жизнь устраивать, детям отец нужен. Обратила бы внимание на Вадика или на Сашу. Тоже парень неплохой, хоть и ветренный, как мне кажется. А ты все в «БезВести» пропадаешь. Я согласна, людям помогать надо. Но и о своих детях, и о себе подумать тоже надо, зайнька.

Я не ожидала этого, Ирина Артуровна поймала меня за рукав и, притянув к себе, горячо обняла.

– Детка, ты мне почти как дочь, не устаю тебе это повторять.

– Я знаю, знаю.

– А раз знаешь, то послушай, что я тебе скажу. Будь осторожна. С другой стороны, какого бы тебе в помощь полицейского не выделили бы, все-таки представитель закона. У него и пистолет должен быть. Так что ты используй его, бери с собой. Мало ли что, спрячешься за его широкой спиной.

– Не буду я прятаться ни за чьей спиной, – проворчала я, выскользнув из слишком теплых объятий, которые заставили мою совесть жалобно застонать. После исчезновения Лени я уже отвыкла от любви. Моя собственная мама не уделяет мне столько времени, она занята детьми. Моей дочкой и моим маленьким племянником. А я привыкла уже за эти пару лет быть мужиком в семье. Замещать Леню. Когда-то он был всем для нас. Защищал меня от бывшего мужа, заботился о нас с мамой и о детях. Нам с ним обоим не повезло со вторыми половинками, так уж вышло. А теперь еще и он пропал. – Все, Ирина Артуровна. Надо начинать поиски. Эта женщина тоже чья-то мать и мы должны ее найти, если полиция на это не способна.

– Верно. Очень верно, – согласилась со мной главная активистка нашей группы. – Но и про себя не забывай, Ева. Поговори с Вадимом, вон он, как глаз с тебя не спускает. Хороший парень, его немного воспитать и будет дело. Кстати, муж пропавшей тоже приехал. Всего у нас сегодня собралось около сорока человек, сейчас сделаем переключку и, я думаю, как обычно разделим на две группы. Мужа пропавшей я в группу к Эдуарду поставлю. А в твою полицейского определим. Так будет лучше.

– Договорились, Ирина Артуровна.

– Тогда я объявляю переключку?

– Объявляйте, – разрешила я и Игнатьева, как инструктор, начала построение.

К такому порядку начала поисков всех приучил и обучил Леня, мой брат. На первый взгляд, казалось бы, что такого, пройти по лесу и поискать пропавшего человека? Не иголка в стоге сена, найдется. Но, нет. Кажущаяся простота несет за собой большую ответственность. Ищем мы одного человека, а ведем, как сегодня, сорок. И все может случиться. Чтобы такого не произошло, есть определенные правила, которым должны следовать все участники. Мы делим людей на группы, у каждой группы есть свой инструктор. Идти по лесу начнем только после переключки, когда инструктор отметит всех присутствующих, тогда он назначит группы, у каждой из которых будет свой руководитель. Поисковики выстроятся в линейку и будут прочесывать лес, шагая на расстоянии один от другого не более, чем пять метров. У каждого по два фонарика. И каждый проинструктирован насчет того, что нужно делать. Мы стараемся громко не разговаривать, пропавших не обсуждать, потому что нередко в наших рядах идут родственники пропавших без вести, для которых это отнюдь не увеселительная прогулка.

– А я... – как раз в этот момент мои глаза выхватили направлявшиеся к нам из темноты три фигуры, – пока проинструктирую новеньких. Чтобы они не выкинули чего.

– Думаешь, полицейские не знают, как себя вести?

– Уверена, – ответила ей, хмыкнув и в очередной раз поймав себя на том, что из троих смотрю на Горовица. Агент? Да его шатает с похмелья! И этот его напарник, тот вообще на зомби похож! Вадим сегодня тоже не лучше этих двоих. Где они были целые сутки и что Соловьев успел им наболтать про нашу группу? И про меня. В частности. Веселая компашка изменила свой курс и направилась прямо на меня после того, как махнула им светом от фонарика. Соловьев первым догадался, что подзываю именно их, в то время как Горовиц с дружкой с интересом вертели головами по сторонам. Любопытно им! Они что, впервые на подобном мероприятии? И за что мне это?

– Стоять! – прикрикнула на них громким шепотом, как только эти трое представителей загробного мира достигли цели и чуть было не затоптали меня.

– Ева, мы на построение, – Соловьев мгновенно сник, хоть до этого вышагивал гордым петухом выпячивая грудь и живот вперед, что в его случае даже в темноте получалось несколько комично. Ох, не люблю я пьяных. И даже с похмелья. Мозгов нет, только алкоголь в крови.

– Никакого построения, пока новенькие не пройдут инструктаж!

– Ева, они же полицейские...

– Полицейские или нет, сегодня они такие же участники группы, как и все остальные. И я несу за них и их действия ответственность.

За моей спиной Ирина Артуровна уже начала переключку, но я не собиралась отпускать «этих», пока они не докажут, что не испортят мне весь поиск.

– Лара! Лара, я готов тебя слушать! – меня перебил доброволец Анатолий. Обойдя своих товарищей, он опустился передо мной на одно колено и, схватив мою руку, приложился к ней мерзкими губами:

– Лара! Я пойду с тобой грабить гробницы!

– Он пьяный? – спросила Горовица.

Вадим, похоже, мне правду не расскажет.

– Анатолий только с задания, – здоровенный полицейский, который теперь уже стоял передо мной не в одних трусах, а полностью экипированный по последнему слову туристической моды, подхватил своего тощего напарника за шкварник и дернул того вверх, заставляя встать на ноги. – Не обращайтесь внимания. Мы готовы к инструктажу. Профессионалы в любом виде, – на этом слове Горовиц скинул только что упавшего на его плечо Анатолия, стряхнул с куртки невидимую грязь и встал, выпятив грудь вперед. Это у него получилось значительно лучше, чем у Соловьева минуту назад. – Командуйте!

– Что-то у вас это «в любом виде» каждый день повторяется, – пробурчала я, но взяла себя в руки (не было смысла причитать, у нас есть задача, которую нужно выполнить и не отвлекаться) и, встав по привычке в позицию «ноги на ширине плеч, руки в боки», начала:

– Значит, так. Вы пойдете в моей группе. У каждого должно быть по два фонарика с собой и запасной комплект батареек или аккумуляторов. Вы все становитесь в одну линию на определенном расстоянии друг от друга. Шутить, ржать и громко разговаривать – нельзя. Тем более на тему пропавшей, сегодня в поисках участвуют родственники. Мы идем одной линией и внимательно смотрим по сторонам. Деревья обязательно осматриваем со всех сторон.

– А то вдруг она прячется! – хихикнул Анатолий, за что немедленно получил локтем в живот от обещавшего мне быть профессионалом Горовица.

– Со всех сторон, – продолжила я. – Если кто-то что-то нашел. Я повторяю, что-то, то ваша задача громко сказать: «Группа стоп. Старший ко мне». Без уточнений. Вы, как и остальные, не кричите, не дергаетесь с места, не идете самостоятельно выяснять, что это вы там нашли.

– Ева, Гарри же полицейский, ему, наверное, можно...

Я строго посмотрела на Соловьева, и он заткнулся. Получит у меня еще за свои прогулки с представителями власти.

– В данной ситуации, полицейский или нет, не играет роли. Мы все часть одной поисковой группы, если уж на то пошло. Поэтому, если нашли, все остановились и ждем пока подойдет старший. Вы пойдете в моей группе, поэтому старший у вас я. Все понятно?

– Лара, ты такая строгая, – Анатолия шатнуло ко мне, однако Горовиц его удержал все за тот же шкварник. – Но я пойду за тобой в эту гробницу!!!

Плохо, что было достаточно темно и они не смогли разглядеть всю силу моего негодования. Мне все же пришлось смириться. Терехов ясно дал понять, что для нас это тоже испытание. Что ж. Испытание. А может быть, устроить этому его Горовицу большой провал? И тогда у меня будет серьезное основание потребовать его заменить кем-нибудь нормальным? А что, это мысль. Можно же

сделать так, чтобы он сам невзначай потерялся...

Глава 6

– Горовиц, вы можете перестать петь? – Валькирия гневно шикнула на меня и стрельнула сладкими глазками, в которые гораздо приятнее, я так подозреваю, смотреть находясь в постели и видеть, как их постепенно застигает волна возбуждения.

– Товарищ сержант, скоро кончится лето... – Толик поддержал меня, затянув ту же песенку, взяв при этом за пределы высокую ноту. Над головой кто-то ухнул, заставив товарищей поисковиков из нашей линейки вжать головы в плечи.

– Сова, – с ледяным спокойствием сообщил я всем и покосился на бравую предводительницу.

В глазах ее тоже мелькнул страх – я бы и рад утешить красотку, затащив ее в кусты, но кто же мне гарантирует, что там в самый интересный момент мы не найдем нашу пропажу?

Где-то в районе верхушек деревьев ухнуло еще раз и крупная белая птица, взмахнув почти метровыми крыльями, пронеслась над нами.

– Ух ты ё! – матюкнулся Толик и, схватившись за задурманенную ночными приключениями голову, присел на корточки.

– Вы оскорбили ее тонкий слух, – потеряв небритую щеку и подумав о том, что не помешало бы уже побриться, пожурил я Валькирию.

– Чей слух? – не поняла меня предводительница.

– Совы, – ответил воительнице, подав руку товарищу, только что испачкавшему зад в сырой земле.

Толик, поднявшись на ноги не без моей помощи, отряхнул штаны сзади. – Что-то часто мне приходится тебя поднимать, дружище, – а это уже отправил Анатолию. Тот отмахнулся и от меня, и от чего-то невидимого перед своим носом и виновато взглянув на «Лару», сделал вид, что трезв и готов идти в бой.

– Группа, вперед! – Данилова гаркнула команду так, что ее без сомнения услышали в обоих концах длинной линии из двадцати человек.

Мы двинулись дальше. Признаться, это занятие так себе, на любителя. Идешь по ночному лесу, ничего не видно, постоянно приходится поднимать ноги, чтобы перешагнуть через коряги или перепрыгнуть через ямку или кочку. После отдыха в компании Толика, Вадика и девочек, для меня это тоже нелегко. Но я иду. Муза требует. Есть в моем характере такой плюс, если не сказать минус, загорюсь идеей книги, и больше меня не удержат. Босиком пойду вслед за идеей. Одинцов, зараза, это знает, поэтому и расслабился, отпустив меня из участка, а заодно и договорившись о моем прикрытии. О моей легенде для ребятки из «БезВести».

А ничего такие ботинки. Удобно. Молодец Одинцов. Раздражает немного это хождение строем, когда даже чтобы пописать за деревом надо останавливать всю колонну и брать с собой напарника. Чтобы самому не потеряться. А еще длинную палку с оранжевым флажком на конце тащить с собой. Я наострился ею тыркать в землю, словно посохом. Тот еще Дедушка Мороз.

– А что, если мы ее не найдем?

– Горовиц, идите молча и не обсуждайте пропавшего. Вы же из полиции, – Валькирия теперь шагала справа от меня, по всей видимости, окончательно перестала доверять.

– Вы же сами хотели полного нашего проникновения. В дело, я имею в виду.

Никакой реакции. Цокнул языком. Она покосилась.

– Что будем делать, если не найдем?

– А вы что, не знаете, что бывает в таких случаях? – Лара Крофт лупанула по мне лучом от своего фонаря.

– Ничего. Повторно мы сможем искать только если ваши позовут, – Вадик, шедший по другую руку от Валькирии, мужественно вмешался.

Отчаянный малый. Вспомнить только его вчерашние подвиги. Напился, накурился травки и фантазировал себе невесть что, лежа на диване и веселя девчонок.

– И что, вы дальше сами искать не станете? Вам разве не интересно, куда она делась?

– Мы это не обсуждаем. И, нет, – Валькирия вернула луч света себе под ноги и перешагнула корягу, попавшуюся на пути, – сами искать не станем.

– Правда? Я слышал кое-что другое про вас.

Девчонка проигнорировала мой сарказм и как ни в чем не бывало попробовала продолжить свой путь. Споткнулась лишь несколько раз. Подряд.

– Что ж вы так... – подхватил ее под локоток на очередной ямке, был готов к тому, что опять полосонёт по лицу лучом света, но ситуация кардинально изменила свое направление.

– А-а-а!!! Змея!!! К-кобра!!! Она же меня сейчас сожрет!!!

Анатолий внезапно нарушил тишину леса, в которой были не слышны даже... шаги группы поисковиков, и заорал во все горло, сорвав с маленькой головы тонкую шапку. Парень выронил фонарик, снова ухнул на землю, прямо на пятую точку и, подтянув к груди колени, вжался спиной в дерево.

– Группа стоп!!! – скомандовала Данилова и вместе в Соловьевым подошла к пойманному галлюцинацию новичку. – Успокойся, – велела она ему, схватив парня за плечо и дернула за него, но Толик не реагировал. Глаза его выпучились до предела, рот открыт в страхе, потрескавшиеся губы шепчут какое-то заклинание. Что интересно, остальные поисковики по команде замерли на своих

местах и больше никто к нам не подходил, видимо, их тут хорошо выучили. Их, но не меня.

– Чего он наглотался? – попыталась понять Данилова, посветив в глаза сумасшедшему. – Откуда вы все приехали?! – этот вопрос уже вонзился в тело начавшего дрожать Соловьева, но теперь я его спас.

– Все нормально. Ему было, чего испугаться. Это, конечно, не змея, но выглядит достаточно устрашающе.

Валькирия с Соловьевым повернулись ко мне, а я в этот момент светил своим фонариком на то, что померещилось Анатолию и что ввело его в такой ступор. В ночной темноте, в лесу, на дереве висело женское тело. Ну, как висело. Я бы сказал, стояло на коленях, потому что сук, на котором его повесили или оно само повесилось, находился на высоте весьма среднего человеческого роста.

– Ничего не трогайте, Горовиц! – налетела на меня предводительница.

– Ева. Ты забываешь, он же полицейский, – напомнил ей Соловьев. Я их не слышал. Меня полностью увлек труп.

– Женщина, на вид лет тридцати трех, тридцати пяти. Одета недорого, но за собой следит. Выехала в лес... или на дачу в изящных сапожках городского типа, по местным колдобинам вряд ли она планировала в таких ходить. Соответственно, делаю вывод, приехала на машине, а не на электричке. Обратите внимание на каблуки.

Валькирия, по всей видимости планировавшая возмущаться, посветила фонариком туда, куда я указывал. Незаметно для нее, я удовлетворенно хмыкнул.

– Большие наросты грязи на подошве, но она на нее не наступала, видите, земля не примята к подошве, она торчит по бокам так, как будто...

– Как будто ее тащили по земле, – закончил за нее мысль. – Но это, итак, был понятно, странный способ покончить жизнь самоубийством – стоя на коленях.

– Мне вызвать ваших или вы это сделаете? – Данилова впервые обратилась ко мне, как к вышестоящему, жаль, что я не мог этим воспользоваться.

– Вызовите вы, – скомандовал ей. – Звоните Терехову, это его участок.

Девчонка отошла, набрав номер на телефоне и приложив аппарат к уху, начала по форме докладывать, а я вернулся к изучению пространства вокруг трупа. По законам жанра, я сейчас должен найти случайно оторванную пуговицу, сигарету, перчатку или еще что-нибудь, что неопытный убийца мог потерять на месте преступления. Однако я не нашел ничего, кроме обычного лесного мусора – бутылку из-под водки, потерянную здесь лет десять назад неизвестным грибником или охотником – и все. Больше совсем ничего. Ни следов, ни отпечатков, совсем, вот просто абсолютно ничего.

Надеялся увидеть и рассмотреть больше, если бы не вдруг очнувшийся от паники Анатолий и не бросившийся на труп с какой-то здоровенной корягой, найденной только что здесь же в лесу.

– Лара!!! Я убью змеюку!!!

Я перехватил его на подлете, когда он на своих кривых и длинных ногах мчался (как ему это явно мерещилось) в сторону «змеюки» на дереве и, стукнув его несильно в район отсутствующего многие годы живота, заставил сложиться пополам бедолагу, после чего подхватил его на плечо и поволок к машине.

– И не приводите его больше! – крикнула мне в спину неудавшаяся Лара Крофт. – И сами можете не приезжать!!!

– Черт возьми, Толик, – сказал негромко своей ноше, практически сразу обмякшей у меня на плече, – как же твой «приход» не вовремя. Испортил мне музу.

– Лара... Лара, я с тобой... я спасу тебя от коб-ры... – просипело «это» в район моей спины, где болталась его почти лысая голова, вслед за чем снова затянуло:

– Товарищ сержа-а-ант...

Ладно. Тайм-аут. Придется отвезти Анатолия обратно в его вотчину. Остальное узнаю у Терехова. Но это уже интересно. Валькирия, сегодня тебе спать не придется. Ведь мы с тобой начнем расследовать это дело. И пока мы не найдем убийцу, спать ты не ляжешь!

Глава 7

– Вы мне не расскажете, что здесь происходит?

Мне пришлось встать в позу. Сейчас уже половина третьего ночи, я черт знает сколько пробыла в лесу, к общей радости еще и дождь пошел в последний час, а мы все стояли и ждали Терехова, чтобы передать ему найденный труп. Разумеется, спасибо нам никто не сказал, просто прогнали и даже никакой информацией не поделились. Потом была долгая дорога домой, моя старая подружка, «Нива» моего брата, со скрипом довезла хозяйку до дома, при этом несколько раз по пути пыталась сломаться. Хотя я преувеличиваю. Один раз чуть не кончился бензин. Он кончился, но у меня была канистра с запасными литрами в багажнике. Ею пришлось воспользоваться, предварительно остановившись на дороге и под дождем, в полной темноте, удерживая фонарик в зубах, залить топливо в бак. Я хорошенько облилась и теперь всю нашу квартиру поглотил умопомрачительный запах топлива. Первой меня учуяла наша толстая Матильда, животное по привычке выскочило в коридор, волоча свой безразмерный живот по полу. Кошка хотела было мяукнуть, чтобы потребовать внеочередной кормежки, но сразу наморщила свою усатую морду и смылась обратно в мамину комнату. Мои уже спали. Только у дочери в комнате горел свет, опять с подружками чатится, о парнях болтает.

Мне посчастливилось вовремя стать мамой и сейчас, когда мне еще только за тридцать, моей Ленке уже пятнадцать лет. Не думала, что когда-то такое скажу, но нас часто принимают за сестер. Ленка быстро стала выглядеть гораздо взрослее своих лет. Теперь только одна проблема – не стать бабушкой до сорока.

После развода с мужем и после пропажи моего Лёньки, мы с Ленкой перебрались в квартиру брата. Сюда же переехала и моя мама, теперь она помогает мне с детьми. С Ленкиным сыном и с моей обормоткой в пубертатном

периоде. Четырехкомнатная квартира на Тринадцатой Красноармейской, высокие потолки и ремонт молодости моей бабушки. Здесь и ковры на полу, и деревянные стеллажи для несчетного количества книг, и старые диваны, которые мой брат решил не выбрасывать, а отреставрировать. Он сдавал их мастеру по одному по мере того, как мог заработать денег. Не все успел до своего исчезновения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tn.knigapoisk.com/ru/egorova_yana/bez-vesti

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)